

DOI: 10.31857/S086919080020962-5

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ УСТЬЯ ВАДИ ЭЛЬ-ХАВАД: ОСОБЕННОСТИ МЕРОИТСКОГО ГОНЧАРСТВА ПРИ ЦАРЕ НАТАКАМАНИ (МОРФОЛОГИЯ И АРХЕОМЕТРИЯ)¹

© 2022

С.Е. МАЛЫХ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Резюме: Городские и храмовые центры древнесуданского царства Мероэ – Хамадаб, Аулиб и Абу Эртейла, расположенные в устье сезонного водотока Вади эль-Хавад, пережили расцвет при царе Натакамани в I в. н.э. Их нахождение недалеко от столицы – города Мероэ предопределило развитый характер ремесла и торговли. Исследование особенностей формы сосудов из Хамадаба, Аулиба и Абу Эртейлы позволяет изучить морфологическую эволюцию мероитской керамики, ее назначение и выявить локальные особенности, характерные для указанных памятников. Археометрический анализ керамики помогает дифференцировать методы ее изготовления и принадлежность к производственным центрам. Это дает возможность рассмотреть вопрос о производственной инфраструктуре города Мероэ и его окружи в I в. н.э. и показывает, что при общем сходстве ассортимента форм сосудов, сырьем для них служили местные глины, а каждое из поселений, независимо от его размеров, могло обладать собственными гончарными мастерскими, обеспечивавшими, в первую очередь, персональные нужды. Торговля керамической продукцией была слаба, а ее объектами служили рядовые типы утвари, означая, что в товарообмене участвовали не столько сами сосуды, сколько их содержимое. Расположение гончарных мастерских, выявленных в Хамадабе и Мувейсе, демонстрирует выработку мероитами системы планировки их поселений по единому образцу, четко разделявшихся на жилые и ремесленные территории, являясь характерной особенностью производственной базы столичного региона Мероитского царства. Хотя материальная культура Мероэ показывает высокую степень централизации, наглядно выразившуюся в единстве архитектуры храмовых и административных сооружений, форме и декоре предметов быта и культа, в первую очередь керамики, можно говорить, что ремесленное производство мероитов и товарообмен между поселениями были менее централизованными, что привело к созданию и активному функционированию собственных гончарных мастерских как в крупных городских центрах, так и небольших административно-храмовых комплексах.

Ключевые слова: Древний Судан, Мероэ, Вади эль-Хавад, Натакамани, мероитская керамика, древнее ремесло.

Для цитирования: Малых С.Е. Керамические комплексы устья Вади эль-Хавад: особенности мероитского гончарства при царе Натакамани (морфология и археометрия). Восток (Oriens). 2022. № 6. С. 72–87. DOI: 10.31857/S086919080020962-5

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-28-01802 «Последний великий строитель между древним Римом и Африкой: преобразование монументального ландшафта в столичных центрах среднего течения Нила при царе Натакамани».

CERAMIC COMPLEXES OF THE MOUTH OF WADI EL-HAWAD:
FEATURES OF MEROITIC POTTERY UNDER KING NATAKAMANI
(MORPHOLOGY AND ARCHAEOMETRY)²

© 2022

Svetlana E. MALYKH ^a^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Abstract: *The urban and temple centers of the ancient Sudanese Kingdom of Meroe – Hamadab, Awlib and Abu Erteila are located to the south of the capital, at the mouth of the seasonal watercourse Wadi el-Hawad, and flourished under king Natakamani in the 1st century A.D. The study of the pottery's shape features makes it possible to identify the morphological evolution of Meroitic ceramics, its functions, and local characteristics. Archaeometric analysis of pottery helps to differentiate the methods of its manufacture and production centers where it was made. As a result, we can say that each settlement had its own pottery workshops, which provided, first of all, for the needs of local residents. The ceramic trade was poorly developed, and ordinary types of utensils were used in exchange for their contents. The location of the pottery workshops identified in Hamadab and Muweis demonstrates the development of a planning system for their settlements according to a single model, clearly divided into residential and craft areas, being a characteristic feature of the production infrastructure of the capital region of the Meroitic Kingdom. Although the image of Meroitic material culture shows a high degree of centralization, clearly expressed in the unification of the temple and administrative architecture, and the style of household and cult items (primarily ceramics), we can conclude that the handicraft production and exchange of goods between Meroitic settlements were less centralized, which led to the creation and active functioning of their own pottery workshops both in large urban centers and small administrative and temple complexes.*

Keywords: Ancient Sudan, Meroe, Wadi el-Hawad, Natakamani, Meroitic pottery, ancient craft.

For citation: Malykh S.E. Ceramic Complexes of the Mouth of Wadi el-Hawad: Features of Meroitic Pottery under King Natakamani (Morphology and Archaeometry). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 72–87. DOI: 10.31857/S086919080020962-5

Вади эль-Хавад – протяженная долина с сезонным водотоком в восточной части Судана, следующая с юга на северо-запад и впадающая в Нил всего примерно в 7 км от Мероэ – столицы одноименного древнего африканского царства. Благоприятные природно-климатические условия способствовали появлению здесь поселений уже в середине IV в. до н.э., преобразовавшихся впоследствии в заметные городские и храмовые центры³ – Хамадаб, Аулиб, Абу Эртейлу и Басу. Первые три, расположенные у устья Вади эль-Хавад⁴, фак-

² The article was prepared with the support of the grant no. 22-28-01802 (“The last great master builder between ancient Rome and Africa: development of monumental landscape in capital zones of the Middle Nile Valley under king Natakamani”) of the Russian Science Foundation.

³ Подробнее об этом см.: [Лебедев, 2019, с. 25–28].

⁴ План расположения указанных в статье археологических памятников Судана см.: [Лебедев, 2019, с. 25, 27, рис. 2–3].

тически, стали южным пригородом столицы Мероитского царства и пережили расцвет, пришедшийся на эпоху правления царя Натакамани (I в. н.э.⁵).

В результате научного изучения Хамадаба, Аулиба и Абу Эртейлы был получен значительный археологический материал, проанализированный в разной степени подробности специалистами, работавшими на данных памятниках (включая автора данной статьи), а также немецко-польской командой (Малгожата Дашкевич, Гервильф Шнайдер, Эва Бобрик, Маня Ветендорф) в ходе реализации исследовательского проекта по изучению мероитской керамики (“Тороi”, Свободный университет Берлина и Берлинский университет имени Гумбольдта). Хотя первоначально его целью было археометрическое изучение керамики Мусавварат эс-Суфры⁶ (археологического памятника в 70 км к юго-западу от Мероэ, в пустыне, примерно в 10 км от Вади Аватиб), в дальнейшем исследователи увеличили зону охвата с целью выявить мусавваратскую керамику за пределами своего региона. Таким образом, региональный проект расширился за счет материалов из других археологических памятников – Мероэ, Хамадаба, Аулиба, Абу Эртейлы, эль-Хассы, Мувейса, Вад Бан Наги, и база данных “SDB” (“Database for Sudanese ancient pottery”) стала включать более 1200 керамических образцов [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 14, not. 7], вывезенных в Берлин с разрешения Национальной корпорации древностей и музеев Судана (NCAM) для проведения серии физико-химических анализов с использованием повторного обжига керамики в лабораторной камерной печи при температурах 1100°C, 1150°C, 1200°C и рентгенофлуоресценции, уточнявшей геохимическое происхождение глин [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 18]. В итоге изученные образцы были распределены по «матричным группам» (MGR – “Matrix Group by Re-firing”) в соответствии с составом глины, что позволило определить местные и привозные изделия для каждого памятника и закономерности в их топографии.

Археометрические данные по керамике, полученные в результате деятельности указанного проекта, вместе с традиционными методами исследования керамического материала, дают возможность более глубоко оценить особенности гончарства Хамадаба, Аулиба и Абу Эртейлы – поселений, компактно сконцентрированных в устье Вади эль-Хавад, при этом рассмотрев эти особенности как региональную традицию, характерную для производственной инфраструктуры столичного региона Мероитского царства.

КЕРАМИКА ХАМАДАБА

Хамадаб, расположенный на северном берегу Вади эль-Хавад, в 2,5 км от Мероэ, впервые был исследован Дж. Гарстангом в 1914 г., интересы которого концентрировались на небольшом храме Н 1000. Археологические работы возобновились лишь в 2001 г.: команда немецких ученых под руководством П. Вольфа (Берлинский университет имени Гумбольдта, затем Немецкий археологический институт (DAI)) предприняла масштабные работы, позволившие не только уточнить планировку храма Н 1000, но и определить границы города, нахождение жилых и ремесленных кварталов, в том числе обнаружить

⁵ Относительно более точного времени правления этого царя (вероятно, царствовавшего вместе с супругой Аманиторе) до сих нет единства среди специалистов. Раньше некоторые датировали его правление 2 г. до н.э. – 23 г. н.э. [Кацнельсон, 1970, с. 230], 0–20 гг. н.э. [Wenig, 1967; Roland, Fagan, 1975, p. 40] или 0–25 гг. н.э. [Dunham, 1957, p. 7]; сейчас преобладает точка зрения, что Натакамани являлся современником римских императоров Клавдия (41–54 гг. н.э.) и Нерона (54–68 гг. н.э.) [Török, 2011, p. xxvi], или только Нерона [Hofmann, 1978, S. 138; Méroé, 2010, p. 287]. Отдельные специалисты более осторожны и относят его правление ко второй половине I в. н.э. [Ancient Nubia, 2012, p. xx].

⁶ Подробнее см.: [Daszkiewicz, Schneider, 2001; Näser, Daszkiewicz, 2013; Daszkiewicz et al., 2016; Daszkiewicz, Wetendorf, 2017].

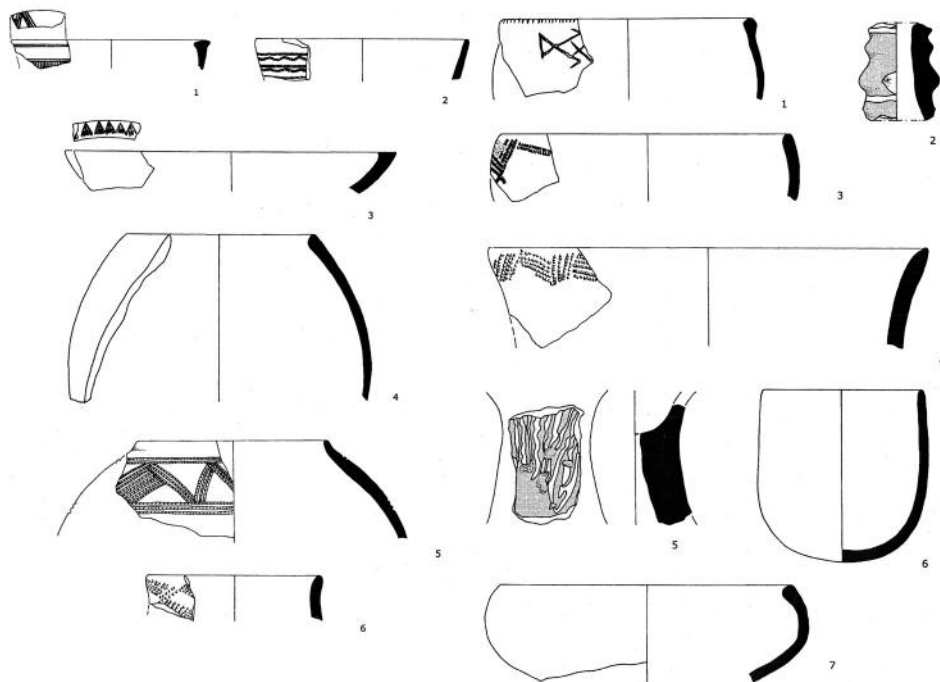

Рис. 1. Лепная керамика Хамадаба (по: [Dittrich, 2003, S. 77–81, Abb. 1–2]).

Fig. 1. Hand-made pottery from Hamadab (after: [Dittrich, 2003, S. 77–81, Abb. 1–2]).

гончарные мастерские [Wolf et al., 2014, p. 104]. Значительное внимание уделялось и изучению керамического материала, который, впрочем, до сих пор не опубликован полностью, а лишь частично проанализирован в серии статей А. Диттрих и У. Новотник [Dittrich, 2003; Nowotnick et al., 2014; Nowotnick, 2016 и др.].

Выгодное стратегическое положение рядом с местом слияния Нила и Вади эль-Хавад, самого большого сезонного водотока в регионе, безусловно, было одной из причин, по которой Хамадаб был основан именно здесь, всего в нескольких километрах к югу от столицы Мероэ. Согласно надписям на стелах, найденных у храма Н 1000, «Верхний город» (т.е. обнесенная стеной центральная часть Хамадаба) уже существовал во времена правления Аманирены и Акинидада⁷ в конце I в. до н.э. [Wolf et al., 2015, p. 132–133]. Радиоуглеродный анализ углей, собранных из различных слоев «Верхнего города», показал, что наиболее ранние из них (горизонт D) относятся к раннемероитскому периоду (300–50 гг. до н.э.), а наиболее мощные (горизонт C) – к классическому мероитскому периоду (100 г. до н.э. – 100 г. н.э.) [Wolf et al., 2014, p. 109–112], захватывающему и время правления Натакамани.

Четверть керамики Хамадаба приходится на лепную посуду, сделанную из нильской аллювиальной глины, обычно с черной лощеной поверхностью, цвет которой приобретен в результате восстановительного обжига. Открытые и закрытые круглодонные формы – чаши, миски, т.н. пивные кувшины нередко декорированы вдавленным гребенчатым декором или насечками (рис. 1) [Dittrich, 2003, S. 77–81, Abb. 1–2, 8; Wolf et al., 2015, p. 131]. Эта группа демонстрирует морфологическую устойчивость и традиционализм в изготовлении и

⁷ Акинидад не носил царского титула и, вероятно, являлся верховным сановником, возможно, визирем, при царе Теритекасе, царице Аманирене и другой царице – Аманишакете. Подробнее см.: [Wenig, 1975].

отделке в т.н. африканском стиле, а используемые художественные элементы встречаются уже на неолитической керамике Судана и изделиях культуры Керма (середина 3-го – середина 2-го тыс. до н.э.)⁸, поэтому ее датировка всегда представляет значительные сложности и возможна на основе стратиграфических данных.

Остальная часть керамики Хамадаба представлена круговыми формами (т.е. сделанными на гончарном круге) – большими цилиндрическими и шарообразными кувшинами, чашами, кубками, тарелками, крышками, подставками [Dittrich, 2003, S. 89; Wolf et al., 2015, p. 130, fig. 13] (рис. 2). Крупные формы – цилиндрические и шарообразные кувшины – являлись тарой для хранения жидких и сыпучих продуктов, но также вторично использовались как печи на кухнях – они вкапывались вдоль стен помещений и содержали угли, на которых готовили или подогревали пищу, а также обогревали помещение в холодное время. Когда такой сосуд разваливался, не выдерживая многократного термического воздействия, на его место вкапывался другой – в ходе археологических работ были обнаружены группы из фрагментов таких сосудов, вставленных один в другой (от двух до семи) [Wolf et al., 2011, S. 233–234, Abb. 20; Wolf et al., 2014, p. 727–728, 733, pl. 5, fig. 7].

При раскопках «Нижнего города» в Хамадабе был расчищен огороженной сырцовой стеной двор площадью 380 кв. м, внутри которого найдены остатки четырех гончарных горнов цилиндрического двухкамерного типа (диаметр внутреннего пространства 1,4–2,2 м), сложенных из сырцового кирпича и бытовавших синхронно [Wolf et al., 2011, S. 234–236]. Их конструкция и групповое расположение аналогичны комплексам, обнаруженным в столице – городе Мероэ и в Мувейсе (поселении в 50 км к юго-западу от Мероэ) и датированным временем правления Натакамани [Török, 1997, p. 173–175, Abb. 1; Méroé, 2010, p. 215–216, fig. 278–279; Baud, 2015, p. 100–101, fig. 4]. П. Вольф логично заключил, что наличие функционировавших *одновременно* групп гончарных горнов наглядно свидетельствует о массовом керамическом производстве, характерном для городских центров царства Мероэ [Wolf et al., 2011, S. 236].

Рядом с гончарными горнами в Хамадабе были найдены скопления отходов производства – обломки перегоревших тонких столовых и грубых кухонных сосудов [Wolf et al., 2011, S. 236]; девять образцов отсюда были отобраны для физико-химических анализов [Daszkiewicz, Schneider, 2011, S. 251].

Итак, археометрический анализ 93 образцов керамики из Хамадаба (включая фрагменты из гончарных мастерских) показал, что для изготовления сосудов здесь использовалась преимущественно аллювиальная (44%), реже глина из вадии (29%) и каолиновая (22%) [Daszkiewicz, Schneider, 2011, S. 256–257; Wolf et al., 2011, S. 239–242, Abb. 27; Wolf et al., 2014, p. 731–732, fig. 6]. Образцы гончарного брака, найденные рядом с горнами, показали «неожиданно большую вариабельность местных глин»: на девять образцов пришлось шесть видов гончарных глин [Daszkiewicz, Schneider, 2011, S. 257]. Несмотря на близость Хамадаба и Мероэ, геохимические данные по глинам говорят о том, что каждый из этих городских центров обладал собственными керамическими мастерскими, при этом хамадабские мастера более активно использовали для изготовления утвари огнеупорные каолиновые глины, чем столичные гончары (22% против 1% в Мероэ [Wolf et al., 2011, S. 241, Abb. 27]), хотя их залежи располагаются ближе к Мероэ – в песчаниковых скалах к востоку от города [Robertson, Hill, 2004, p. 114; Wolf et al., 2015, p. 131] и в скальном массиве Гебель Умм Али, в 11,5 км к северу от Мероэ и, соответственно, в 14 км от Хамадаба [Wolf

⁸ Например, см.: [Chittick, 1955, p. 77, fig. 3; Otto, 1963, p. 109–114, fig. 1–4, pl. XX–XXI; Bourriau, 1981, p. 97–102; Gratien, 2000]. Подробнее о «нубийском», «африканском» и даже «субсахарском» художественном стиле керамики в долине Нила и проблеме датировки изделий см.: [Adams, 1973, p. 32–36; Robertson, 1992, p. 45; Edwards, 2014, p. 60].

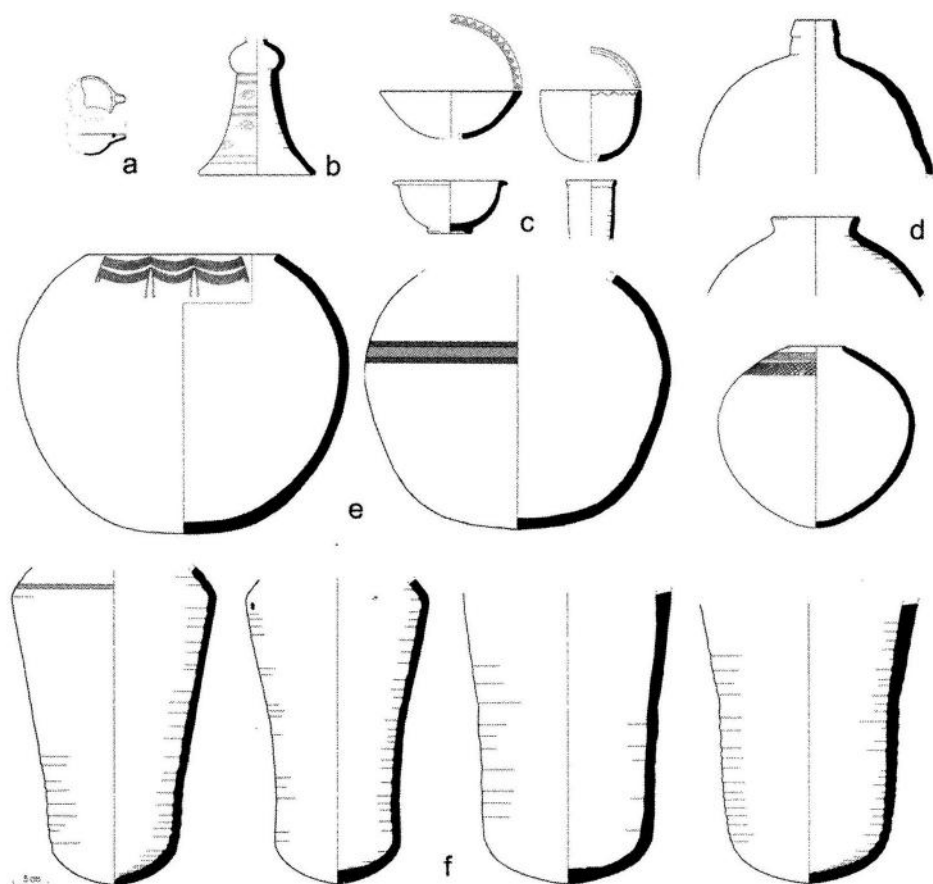

Рис. 2. Круговая керамика Хамадаба (по: [Wolf et al., 2015, fig. 13]).

Fig. 2. Wheel-made pottery from Hamadab (after: [Wolf et al., 2015, fig. 13]).

et al., 2011, S. 240; Wolf et al., 2014, p. 732; Nowotnick et al., 2014, p. 21; Wolf, 2021, p. 130, 139, fig. 7.14]. Весьма показательно, что гончарный брак из каолиновой глины типа Y2, обнаруженный у горнов в Хамадабе, по химическому анализу идентичен каолинитам из Гебель Умм Али [Wolf et al., 2014, p. 732].

Каолиновые глины требуют наиболее высокой температуры обжига (900–1250°C) и гончарных горнов особой конструкции (в то время как температура обжига аллювиальных глин составляет 600–800°C, а вади-глин – 750–900°C⁹), а, следовательно, специально подготовленных мастеров-горшечников, умевших работать с огнеупорной глиной.

Химический анализ глин сосудов из Хамадаба выявил также сходство с некоторыми типами глин гончарных изделий из поселения в Аулибе (глины AW6, AW7 и AW8) и административно-храмового центра в Мусавварат эс-Суфре (глины A2 и O2) [Daszkiewicz, Schneider, 2011, S. 256; Daszkiewicz et al., 2016, p. 215], что указывает на возможности

⁹ В специальной литературе значения температуры обжига глин различного состава различаются в деталях, но, в целом, варьируются в указанных значениях. См., например: [Лукас, 1958, с. 559, 564; Hope, 1987, p. 19; Aston, 1990, p. 36; Arnold, Bourriau, 1993, p. 103, 165; Bourriau et al., 2000, p. 127–128].

транспортировки небольшого количества керамики из Хамадаба в находящийся неподалеку Аулиб или более удаленную Мусавварат эс-Суфру, расположенную в 67 км к юго-западу, несмотря на то, что оба этих поселения обладали собственными гончарнями¹⁰.

КЕРАМИКА АУЛИБА

Археологический комплекс Аулиб, расположенный в русле Вади эль-Хавад, в 6,5 км к югу от Мероэ и примерно в 4 км к юго-востоку от Хамадаба, включал храм и жилое здание. Раскопки здесь велись польской экспедицией Гданьского археологического музея под руководством Х. Панера в 2001 и 2003 гг., но не были завершены. Комплекс функционировал с I в. до н.э. до I в. н.э., хотя мог быть основан значительно раньше [Borowski, Paner, 2003, p. 59; Sander, 2015, p. 315].

Несмотря на краткость археологических работ, в их ходе была собрана представительная коллекция лепной и круговой керамики (рис. 3). Лепные сосуды малочисленны и представлены традиционными типами полусферических круглодонных чаш, украшенными насечным и вдавленным гребенчатым декором [El-Tayeb, Kołowska, 2005, p. 154–155, fig. 23]. Среди керамики, изготовленной на гончарном круге, обращает на себя внимание репрезентативность группы кратеров, некоторые из которых расписаны листьями плюща в эллинизированной манере. Здесь также найдены круглодонные светлоглиняные чаши, кубки, крупные шарообразные кувшины и чаны [Daszkiewicz et al., 2005, p. 75–77, fig. 7–9; El-Tayeb, Kołowska, 2005, p. 151–154, fig. 18–22]. Что касается теста, то, в отличие от Хамадаба, в Аулибе доминируют изделия из глины вади (71%), что закономерно, учитывая расположение памятника в Вади эль-Хавад и его большую удаленность от Нила, с берега которого бралась аллювиальная глина: на изделия из нее в Аулибе приходится лишь 17%. Сосуды из каолиновой глины, являвшиеся для Аулиба привозными, составили всего 9% [Daszkiewicz et al., 2005, p. 78].

Для археометрического анализа было отобрано 35 образцов аулибской керамики. В результате было определено, что 25 из них принадлежат сосудам «местного изготовления» (рис. 3), шесть сосудов из нильской аллювиальной глины были сделаны в расположенных по соседству поселениях – в Хамадабе или Мероэ, три сосуда из бежевой каолиновой глины изготовлены «в специализированных мастерских региона Мероэ – Мусавварат», один сосуд с примесью коллофана неизвестного происхождения [El-Tayeb, Kołowska, 2005, p. 155–157, fig. 24–27; Daszkiewicz et al., 2005, p. 67, 78; Daszkiewicz, Schneider, 2011, S. 257].

КЕРАМИКА АБУ ЭРТЕЙЛЫ

Археологический памятник Абу Эртейла находится в 1 км к югу от Аулиба, также в русле Вади эль-Хавад. Его исследование было начато в 2009 г. силами совместной Российско-итальянской экспедиции (ИВ РАН – IsMEO) и продолжается до сих пор. В ходе работ был обнаружен храмовый комплекс, посвященный, видимо, сразу нескольким богам египетского и мероитского пантеона, а также административно-жилое здание. Они были возведены, согласно сохранившимся эпиграфическим свидетельствам, царем Натакамани и царицей Аманиторе и функционировали в I–III вв. н.э.¹¹

¹⁰ О гончарных мастерских Мусавварат эс-Суфры см.: [Edwards, 1999, p. 37–38]. Гончарни Аулиба пока не обнаружены, однако по ряду косвенных признаков они функционировали на этом поселении (подробнее см. ниже).

¹¹ Подробнее см.: [Кормышева и др., 2014; Kormysheva, 2018; Kormysheva et al., 2019, p. 227–229].

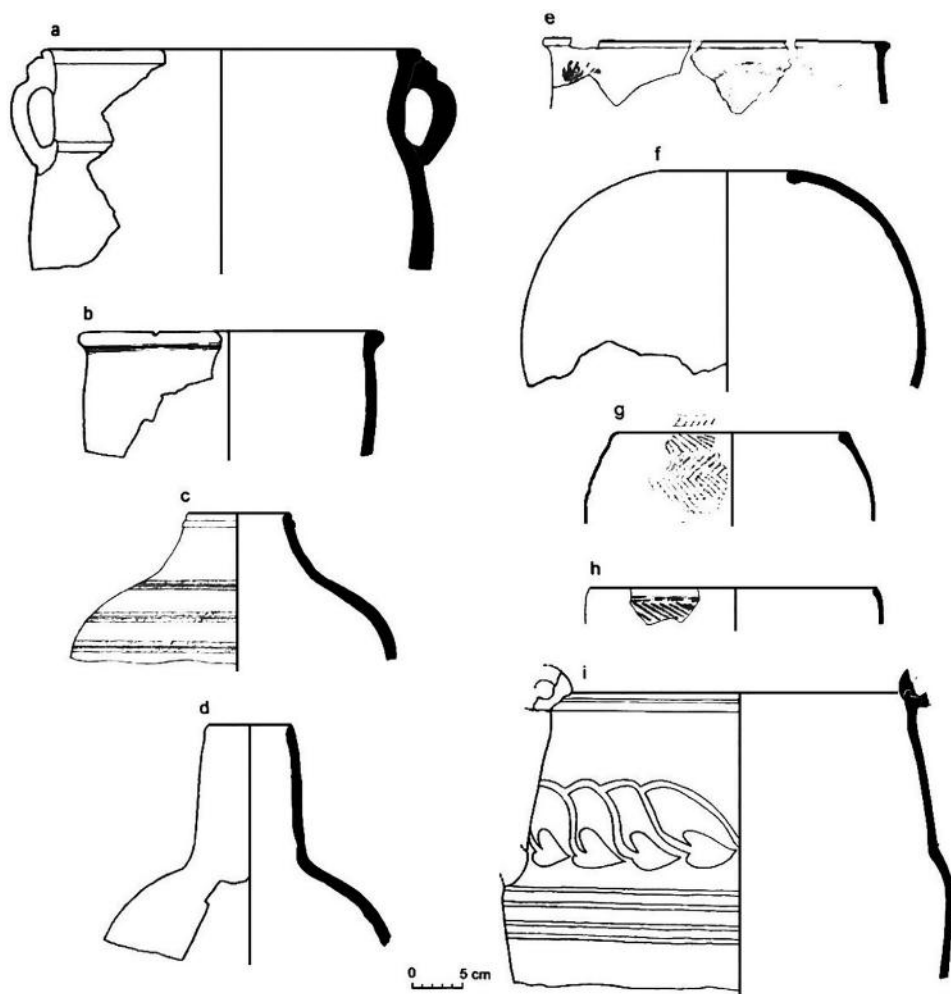

Рис. 3. Круговая и лепная керамика Аулиба местного производства
(по: El-Tayeb, Kołosowska, 2005, p. 156, fig. 24)].

Fig. 3. Local produced wheel-made and hand-made pottery from Awlib
(after: El-Tayeb, Kołosowska, 2005, p. 156, fig. 24)].

Как и в Хамадабе и Аулибе, керамический корпус Абу Эртейлы включает круговые и лепные сосуды, последние составляют примерно треть всей обнаруженной на этом памятнике керамики и представлены крупными и мелкими круглодонными чашами, чанами и котлами, нередко украшенными насечками или вдавленным гребенчатым декором, зачастую образующим серии ромбов, а также объемными «пивными кувшинами» с узким горлом и шарообразным туловом¹² (рис. 4). Все они имеют отчетливые свидетельства их бытового использования – копоть и нагар, иногда остатки содержимого и следы ремонта.

¹² [Malykh, 2017, p. 138–141; Малых, 2017, с. 31–33; 2019(3), с. 75–76, илл. 5 (AE16/II-56/2, 3)]. Аналогии в Хамадабе и Мероэ см.: [Dittrich, 2003, S. 77–80, Abb. 1.6, 8; Robertson, Hill, 2004, p. 131, pl. VIIc–d, VIIIb].

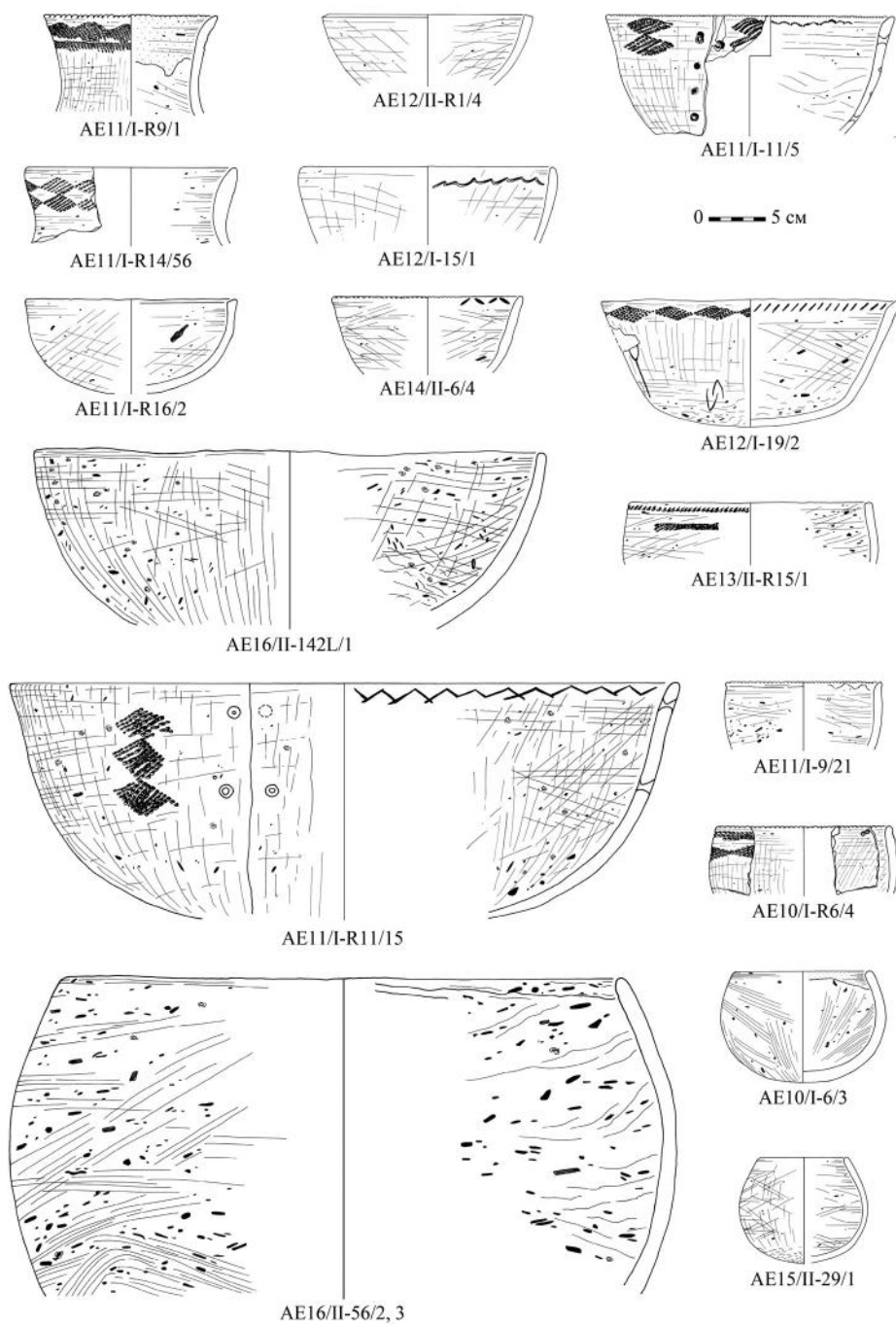

Рис. 4. Лепная керамика Абу Эртейлы (рис. автора).

Fig. 4. Hand-made pottery from Abu Erteila (drawn by the author).

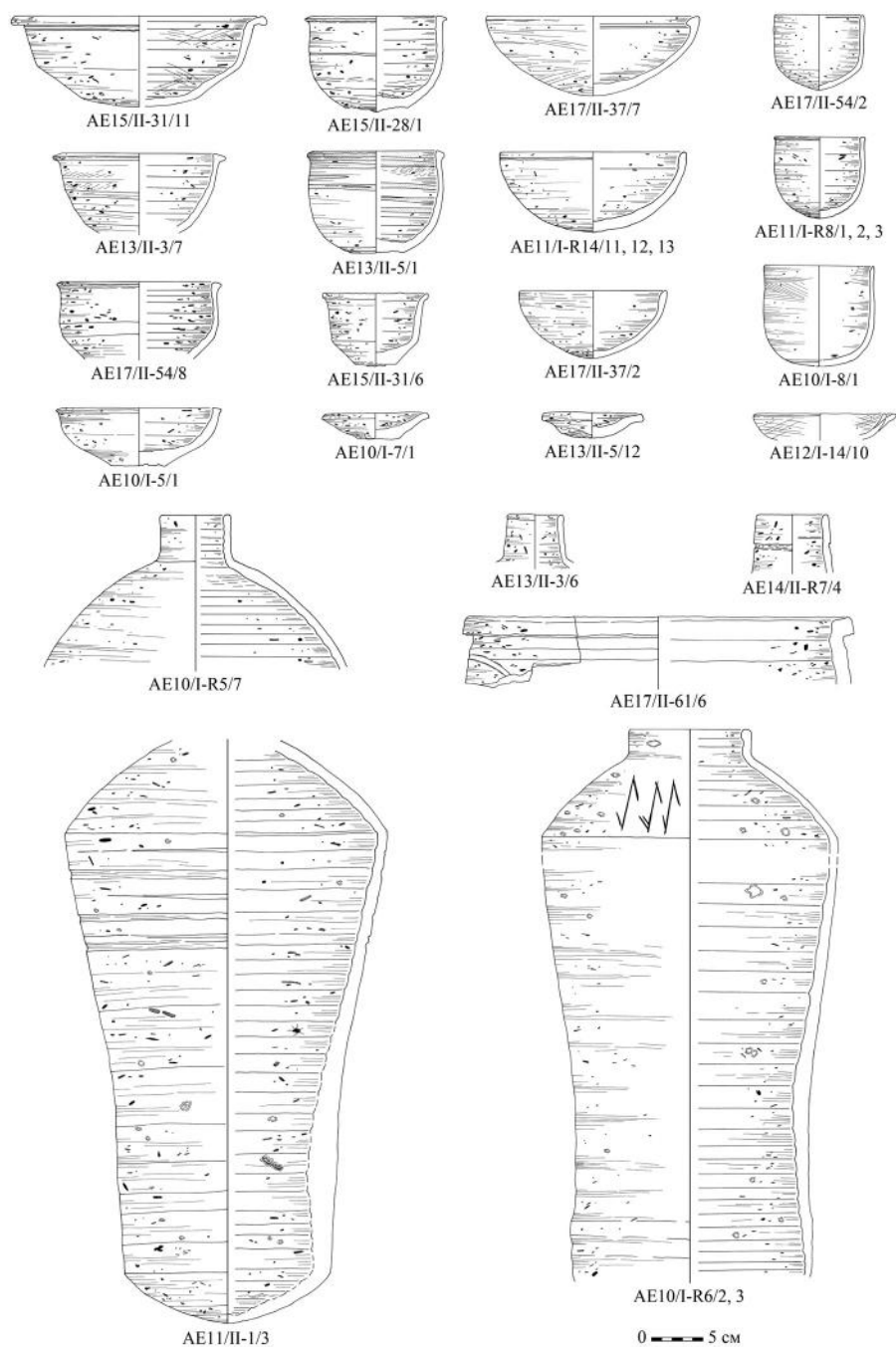

Рис. 5. Круговая керамика Абу Эртейлы (рис. автора).

Fig. 5. Wheel-made pottery from Abu Erteila (drawn by the author).

Ассортимент сосудов из Абу Эртейлы, сделанных на гончарном круге, более разнообразен, он включает не только бытовую утварь, но и сосуды для культовых целей, например, чаши-курильницы и высокие колонновидные подставки под них, подносы для ритуальных возлияний воды [Malykh, 2017, p. 150–152; Малых, 2017, с. 33–35; 2019(1); 2019(2), с. 58–66; 2019(3), с. 70–79]. Бытовая керамика Абу Эртейлы (столовая посуда, сосуды для приготовления пищи и хранения продуктов (рис. 5)) находит множество аналогий в керамике Мероэ и в синхронных слоях Хамадаба¹³ (рис. 6) и значительно меньше в керамическом корпусе Аулиба, что может быть связано с тем, что Аулиб уже пришел в упадок тогда, когда храмовый комплекс в Абу Эртейле переживал расцвет – в конце I и II вв. н.э.

Наиболее близкое сходство наблюдается с Хамадабом – не только по ассортименту форм, но и по способу применения сосудов, в частности, больших цилиндрических и шарообразных сосудов, которые использовались для хранения жидких и сыпучих продуктов [Wolf et al., 2014, p. 733], а вторично служили как печи для обогрева помещений и приготовления пищи¹⁴.

Подавляющее большинство керамики Абу Эртейлы (87%) сформовано из т.н. вадиглины, источники которой располагаются рядом – в Вади эль-Хавад. 3% составляют изделия из аллювиальной глины, которую добывали на берегу Нила, удаленном от Абу Эртейлы не менее чем на 5 км [Малых, 2017, с. 28–29, табл. 1]. 8% приходится на сосуды из каолиновой глины, места разработки которой располагаются севернее. Забегая вперед, следует сказать, что химический анализ каолиновой керамики из Абу Эртейлы показал четкие различия с каолинами Хамадаба из месторождения в Гебель Умм Али; на данный момент место происхождения этой разновидности керамики, найденной в Абу Эртейле, остается неустановленным [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 14].

Археометрическому анализу было подвергнуто 20 образцов, при этом 17 из них по глине обычны для керамического корпуса Абу Эртейлы [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 11–12]. Более того, 11 экземпляров визуально были определены нами как местная продукция, изготовленная из глины Вади эль-Хавад, что было подтверждено серией лабораторных физико-химических анализов, проведенных М. Дашкевич в Берлине. Изученные фрагменты принадлежат наиболее часто встречающимся типам круговых сосудов в Абу Эртейле (крупным цилиндрическим кувшинам, чашам, тарелкам, крышкам, подставкам под светильники) и действительно представляют собой местную глину Вади эль-Хавад, причем по текстуре и химическому составу два из них имеют параллели в гончарных глинах расположенного рядом Аулиба, остальные девять вовсе не находят аналогов в керамике даже соседних памятников [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 15, fig. 4, 9, tabl. 2 (MGR 145–154)], видимо, являясь продукцией абу-эртейльских гончарен. Последние пока не обнаружены в ходе археологических работ, однако по ряду косвенных признаков они здесь были и активно функционировали¹⁵, обеспечивая административно-храмовый комплекс Абу Эртейлы не только бытовой керамикой (сосудами для приготовления и хранения пищи, столовой утварью), но и предметами для отправления культовых действий в храме.

Крупная лепная миска с цинопочным орнаментом снаружи, сделанная из редкой для Абу Эртейлы аллювиальной глины, по результатам химического анализа была атрибутирована как изделие гончарных мастерских Хамадаба [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 16, fig. 4,

¹³ Горизонты С и В Хамадаба: 100 г. до н.э. – 100 г. н.э. и 50–300 гг. н.э. соответственно [Wolf et al., 2014, p. 110]. Аналоги керамики см.: [Dunham, 1957, p. 118–191, fig. 78, 80, 86, 91, 94, 96, 108, 110, 113, 116–118, 120, 122, 125; 1963, p. 189–190, fig. 135–136; Dittrich, 2003, S. 81–86, Abb. 3.1–3.2, 4–6, 9; Robertson, Hill, 2004, p. 119, 121, pl. Ib, IIIa2; Wolf et al., 2015, p. 130, fig. 13].

¹⁴ Подробнее о сосудах-печах в Абу Эртейле и их датировке I–II вв. н.э. см.: [Кормышева и др., 2012, с. 379–383, рис. 3, 5; 2014, с. 123–124; 130–133, рис. 1, 5–6; Malykh, 2017, p. 142–145, fig. 4–6].

¹⁵ Подробнее об этом см.: [Малых, 2016, с. 145–156; 2017, с. 29–31].

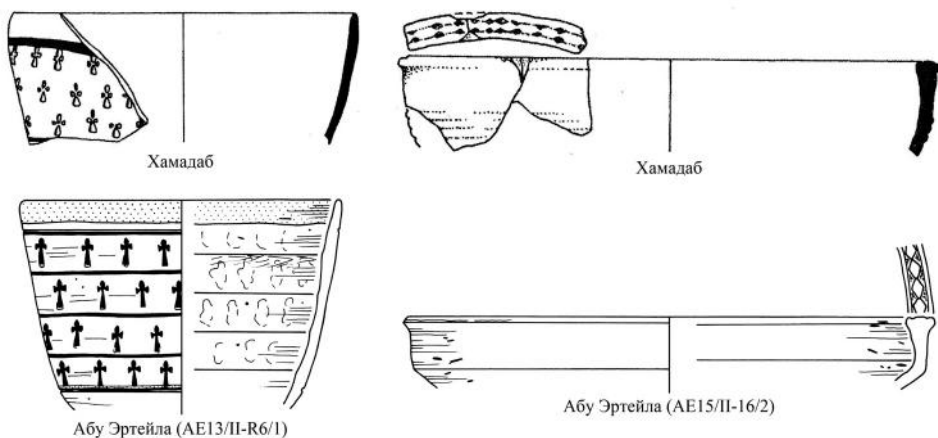

Рис. 6. Схожие по типу или декору сосуды из Хамадаба (по: [Dittrich, 2003, S. 86, Abb. 6.3, 6.7]) и Абу Эртейлы (рис. автора).

Fig. 6. Vessels similar in type or decor from Hamadab (after: [Dittrich, 2003, S. 86, Abb. 6.3, 6.7]) and Abu Erteila (drawn by the author).

10 (MGR 2.03)]. Весьма показательно, что сосуды из идентичной по археометрическим признакам глины были найдены не только в Хамадабе, но и в более удаленных Мувейсе и Мусаварат эс-Суфре.

Венчик крупного цилиндрического кувшина, сделанного на гончарном круге из смешанной глины, по химическому составу, типичному для глин, отложенных в месте, где вадий впадает в долину Нила, нашел аналогии в керамике Вад Бан Наги – мероитского памятника, удаленного от Абу Эртейлы более чем на 70 км [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 15, fig. 4, 10 (MGR 155)]. Однако место изготовления этих сосудов определить не удалось: вероятно, и в Абу Эртейлу, и в Вад Бан Наги они были привезены из пока неустановленного производственного центра. То же самое можно сказать и о фрагменте чаши с прямым венчиком: сосуды из такой же глины (упомянутый выше тип O2) обнаружены в Хамадабе, Мувейсе и Мусаварат эс-Суфре, однако высокое содержание калия (5,69%) и низкий процент титана (0,92%), ванадия (64 ч/млн) и хрома (57 ч/млн), исключают указанные поселения как районы добычи и применения подобной глины [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 15–16, fig. 4, 10 (MGR 156)].

Итак, лабораторные физико-химические анализы абу-эртейльской керамики позволили выделить группы местной керамики, по-видимому, изготовленной в Абу Эртейле, а также привозные изделия, источник которых (за исключением чаши из Хамадаба) установить пока не удалось. Также было сделано важное замечание методологического характера на основе анализа образцов AD 496 и AD 509 из Абу Эртейлы, которые визуально демонстрировали полную идентичность с образцами MD 868 и MD 876 из Мусаварат эс-Суфры, заставляя видеть в них продукцию одной мастерской. Однако в процессе повторного обжига при температуре 1200°C было выявлено кардинальное отличие между ними и по цвету, и по химическому составу. Как верно отметила М. Дашкевич, «этот пример показывает необходимость быть осторожным при выводах об экономическом пространстве той или иной гончарной мастерской на основании исключительно макроскопического исследования глины» [Daszkiewicz, Malykh, 2017, p. 16, fig. 6–7]. Примечательно также и то, что упомя-

нутый в этом контексте абу-эртейльский образец AD 509, определенный М. Дашкевич как принадлежащий неустановленному производственному центру, по текстуре глины, отделке внешней поверхности и форме (т.е. совокупности различных признаков, не только археометрических, но технологических и морфологических) скорее должен быть атрибутирован как продукция гончарных мастерских египетского Асуана¹⁶, по сути, являясь импортом для царства Мероэ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение особенностей формы сосудов позволяет рассмотреть морфологическую эволюцию мероитской керамики, ее назначение и выявить локальные особенности, характерные для конкретных памятников. Археометрический анализ керамики помогает дифференцировать методы ее изготовления и в отдельных случаях идентифицировать производственные центры. Таким образом, сочетание морфологического и археометрического методов дает возможность обратиться к вопросу о производственной инфраструктуре города Мероэ и его окружи в период расцвета – при царе Натакамани в I в. н.э.

Анализ керамического материала из расположенных рядом мероитских археологических памятников Хамадаб, Аулиб и Абу Эртейла показывает, что каждое из этих поселений, независимо от своего размера (а Аулиб и Абу Эртейла были достаточно компактными административно-храмовыми комплексами), скорее всего, обладало собственными гончарными мастерскими, активно функционировавшими и обеспечивавшими в первую очередь персональные нужды, пользуясь гончарным сырьем, добывавшимся поблизости. Торговый обмен керамической продукцией хотя и имел место, но был слаб, при этом объектами торговли служили не какие-то уникальные для каждого поселения изделия, а рядовые типы утвари, изготавливавшиеся повсеместно. Это означает, что в товарообмене участвовали не столько сами сосуды, сколько их содержимое, например, зерно или вино, которое, например, могло содержаться в крупных цилиндрических кувшинах – наиболее часто встречающемся типе круговой керамики на указанных памятниках.

Хотя археологические работы в Абу Эртейле и Аулибе пока не выявили самих гончарных мастерских, их наличие устанавливается, как мы уже говорили, по косвенным признакам и по аналогии их размещения в Хамадабе и Мувейсе – на окраинах поселений, в удалении от жилых кварталов [Wolf et al., 2011, S. 236–237, Abb. 20; Baud, 2015, p. 99–100, fig. 4]. Расположение гончарных мастерских демонстрирует выработку мероитами единых правил планировки их поселений, четко разделявшихся на жилые и производственные территории. Хотя материальная культура Мероэ демонстрирует высокую степень централизации, наглядно выразившуюся в единстве архитектуры храмовых и административных сооружений, форме и декоре предметов быта и культа, в первую очередь керамики¹⁷, можно утверждать, что ремесленное производство мероитов и товарообмен между поселениями были менее централизованными, что привело, в частности, к созданию и активному функционированию собственных гончарных мастерских как в крупных городских центрах, так и небольших административно-храмовых комплексах.

¹⁶ Об асуанской керамике в царстве Мероэ см.: [Малых, 2021, с. 9–10].

¹⁷ Подробнее о единообразии мероитских храмовых обрядов, стиле керамики и архитектуры, а также о египетском влиянии на них см.: [Wolf, 2006, p. 239–252; Малых, 2018; 2019(1), с. 687; 2019(4)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кацнельсон И.С. *Hanata и Мероэ – древние царства Судана*. М.: Наука, 1970 [Katsnelson I.S. *Napata and Meroe – The Ancient Kingdoms of Sudan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].
- Кормышева Э.Е., Малых С.Е., Фантусати Е. Археологическая экспедиция в Абу Эртейле (Судан). Сезоны 2009–2010 годов. *Исторические записки*. Вып. 14 (132). М.: Наука, 2012. С. 369–390 [Kormysheva E.E., Malykh S.E., Fantusati E. Archaeological Expedition in Abu Erteila (Sudan). Seasons 2009–2010. *Historical Notes*. Vol. 14 (132). Moscow: Nauka, 2012. Pp. 121–141 (in Russian)].
- Кормышева Э.Е., Малых С.Е., Фантусати Э. Абу Эртейла: новый административный центр империи Мероэ (Северный Судан). *Восток (Oriens)*. 2014. № 2. С. 121–141 [Kormysheva E.E., Malykh S.E., Fantusati E. Abu Erteila: The New Administrative Center of the Meroitic Kingdom (Northern Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 2. Pp. 121–141 (in Russian)].
- Лебедев М.А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 21–48 [Lebedev M.A. History of Meroitic Archaeological Complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].
- Лукас А. *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*. М.: Издательство иностранной литературы, 1958 [Lucas A. *Ancient Egyptian Materials and Artisan Production*. Moscow: Izdatel'stvo inostranno literaturey, 1958 (in Russian)].
- Малых С.Е. Знаки на мероитской керамике из Абу Эртейлы: проблема интерпретации. *Эпиграфика Востока*. 2016. № 32. С. 143–165 [Malykh S.E. Marks on Meroitic Pottery of Abu Erteila: The Problem of Interpretation. *Oriental Epigraphy*. 2016. No. 32. Pp. 143–165 (in Russian)].
- Малых С.Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S.E. Late Meroitic Ceramics of Abu Erteila: The Problem of Existence of Local Pottery Workshops in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].
- Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межцивилизационных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe: The Problem of Intercivilizational Influence in the Material Culture of Ancient Societies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].
- Малых С.Е. Ритуальные подносы из Абу Эртейлы: к вопросу о единообразии храмовых обрядов Мероэ. *Вестник древней истории*. 2019(1). № 3. С. 678–688 [Malykh S.E. Ritual Basins from Abu Erteila: The Uniformity of Temple Rites in Meroe. *Journal of Ancient History*. 2019(1). No. 3. Pp. 5–22 (in Russian)].
- Малых С.Е. Вещественная сторона функционирования мероитского культового комплекса на керамическом материале из главного здания храма в Абу Эртейле (Судан). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(2). № 2. С. 56–73 [Malykh S.E. The Material Aspect of the Functioning of the Meroitic Cult Complex Based on the Ceramics from the Main Building of the Temple in Abu Erteila (Sudan). *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019(2). No. 2. Pp. 56–73 (in Russian)].
- Малых С.Е. Керамика из малого святилища мероитского храма в Абу Эртейле (Судан): датировка и интерпретация. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(3). № 3. С. 68–82 [Malykh S.E. Pottery from the Minor Sanctuary of the Temple in Abu Erteila (Sudan): Dating and Interpretation. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019(3). No. 3. Pp. 68–82 (in Russian)].
- Малых С.Е. Египетское влияние на форму и декор мероитской керамики (по материалам раскопок в Абу Эртейле, Судан). *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2019(4). № 1. С. 28–38 [Malykh S.E. Egyptian Influence on the Shape and Decoration of Meroitic Ceramics (Based on the Materials from Excavations in Abu Erteila, Sudan). *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies. Series*. 2019(4). No. 1. Pp. 28–38 (in Russian)].
- Малых С.Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15 [Malykh S.E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15 (in Russian)].
- Adams W.Y. Progress Report on Nubian Pottery. 1. The Native Wares. *Kush*. 1973. Vol. 15. Pp. 1–50.
- Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*. M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria (eds.). Cairo, New York: American University in Cairo Press, 2012.

Arnold Do., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern, 1993.

Aston D.A. *Die Grabungen des Pelizaeus-Museums Hildesheim in Qantir – Pi-Ramesse*. Bd. 1. *Die Keramik des Grabungsplatzes QI*. Teil 1. *Corpus of Fabrics, Wares and Shapes*. Mainz: Philipp von Zabern, 1990.

Baud M. Trois saisons à Mouweis: Premier bilan archéologique. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies*. Vienna, 1–4 September 2008. M.H. Zach (ed.). Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 97–110.

Borcowski Z., Paner H. The Awlib Temple Complex: Report on the 2001 and 2003 Excavation Seasons. *Gdansk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 47–60.

Bourriau J. *Umm El-Gaàb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Bourriau J., Nicholson P.T., Rose P. The Pottery. P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.). *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Pp. 121–147.

Chittick H.N. Two Neolithic Sites near Khartoum. *Kush*. 1955. Vol. 3. Pp. 75–81.

Daszkiewicz M., Bobryk E., Schneider G. Archaeoceramological Study of Pottery Fabrics from Awlib, Sudan. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 67–78.

Daszkiewicz M., Bobryk E., Wetendorf M., Schneider G. Musawwarat es-Sufra – in Search of Ceramic Raw Materials. *Novensia*. 2016. Vol. 27. Pp. 181–220.

Daszkiewicz M., Malykh S. Pottery Samples Recovered from Abu Erteila (Sudan) – Correlation of Macroscopically Identified Fabrics with Laboratory-Defined Raw Material Groups. *Studia Europaea Gnesnensia*. 2017. Vol. 15. Pp. 9–35.

Daszkiewicz M., Schneider G. Keramik aus Meroë und Hamadab. Bericht über die ersten Ergebnisse zur Klassifizierung durch Nachbrennen (MGR-Analyse) und chemische Analyse (WD-XRF). *Archäologischer Anzeiger*. 2011. Heft 2. S. 247–265.

Daszkiewicz M., Wetendorf M. Experimental Archaeology: First steps to understanding the firing technology of Meroitic pottery from Musawwarat es-Sufra. *Der Antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin*. 2017. Heft 28. Pp. 7–14.

Dittrich A. Meroitische und spätmeroitische Keramik aus Hamadab. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2003. Heft 14. S. 77–91.

Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush*. Vol. IV. *Royal Tombs at Meroë and Barkal*. Boston: Museum of Fine Arts, 1957.

Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush*. Vol. V. *The West and South Cemeteries of Meroë*. Boston: Museum of Fine Arts, 1963.

Edwards D.N. *Musawwarat es Sufra III. A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra*. *Meroitica* 17,2. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Edwards D.N. Early Meroitic Pottery and the Creation of an Early Imperial Culture? *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig*. *Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft 2014*. Hrsg. A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: Sudanarchäologische Gesellschaft, 2014. S. 51–63.

El-Tayeb M., Kolosowska E. The Awlib Temple Complex: Kom B and its Pottery Assemblage. *Gdansk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 145–158.

Gratien B. Les pot de cuisson nubien et les bols décorés de la première moitié du II millénaire avant J.-C. Problèmes d'identification. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. Vol. 6. Pp. 113–148.

Hofmann I. *Beiträge zur meroitischen Chronologie (Studia Instituti Anthropos 31)*. St. Augustin bei Bonn: Anthropos Institut, 1978.

Hope C. *Egyptian Pottery*. Aylesbury: Shire, 1987.

Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: IOS RAS, 2019.

Kormysheva E. The Remnants of a Temple Complex at Abu Erteila I. *Nubian Archaeology in the XXth Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. M. Honegger (ed.). Orientalia Lovaniensia Analecta 273. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 423–438.

Malykh S.E. Late Meroitic Pottery of Abu Erteila: Local Traditions and Foreign Influence. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. Vol. 27. Pp. 137–180.

- Méroé. *Un empire sur le Nil*. M. Baud (ed.). Paris: Officina Libraria, 2010.
- Näser C., Daszkiewicz M. New Data from the Ceramic Workshop in Courtyard 224 of the Great Enclosure in Musawwarat es Sufra. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchaeologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2013. Heft 24. Pp. 15–22.
- Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. S. Japp, P. Kögler (eds.). Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.
- Nowotnick U., Wolf P., Wöß F., Büchner S., Minow M. *Hamadab. Urban living at the Nile in Meroitic times*. Berlin: German Archaeological Institute, 2014.
- Otto K.-H. Shiqadud. A New Khartoum Neolithic Site outside the Nile Valley. *Kush*. 1963. 11. Pp. 108–115.
- Robertson J.H. History and Archaeology at Meroe. *An African Commitment: Papers in Honour of Peter Lewis Shinnie*. J. Sterner, N. David (eds.). Calgary: University of Calgary Press, 1992. Pp. 35–50.
- Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry. *Meroitica 20: The Capital of Kush. Meroë Excavations 1973–1984*. P.L. Shinnie, J.R. Anderson (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. Pp. 109–212.
- Roland O., Fagan B.M. *Africa in the Iron Age: c. 500 B.C. to A.D. 1400*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Sander A. Sandstone Reliefs and other Architectural Details Revealed in the Awlib Temple Complex in 2003: a Preliminary Analysis. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. M.H. Zach. (ed.). Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 307–317.
- Török L. *Meroe City. An Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan*. London: Egypt Exploration Society, 1997.
- Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 BC – AD 250 and Its Egyptian Models: A Study in "Acculturation"*. Leiden: Brill, 2011.
- Wenig S. Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1967. Heft 13. S. 1–44.
- Wenig S. Akinidad. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. I. Hrsg. W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. Sp. 116.
- Wolf P. Temples in the Meroitic South – Some aspects of typology, cult and function. *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*. I. Caneva, A. Roccati (eds.). Rome: Libreria dello Stato, 2006. Pp. 239–262.
- Wolf P. The Natural and Cultural Landscape of the Meroe Region. *Nubia 1: Bayuda and its Neighbours*. A. Obluski, H. Paner, M. Masojć (eds.). Turnhout: Brepols Publishers, 2021. Pp. 117–152.
- Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic Urban Town of Hamadab in 2010. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. J.R. Anderson, D.A. Welsby (eds.). Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2014. Pp. 719–737.
- Wolf P., Nowotnick U., Hof C. Hamadab – Insights into Development and Lifestyle of a Meroitic Urban Settlement. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4th September 2008*. M.H. Zach (ed.). Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 123–139.
- Wolf P., Nowotnick U., Wöß F. Meroitic Hamadab – a Century after Its Discovery. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2014. Vol. 18. Pp. 104–120.
- Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe und Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. *Archäologischer Anzeiger*. 2011. Heft 2. S. 213–245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.